

ТВОРЧЕСКАЯ ВЫСОТА

ТРИУМФ ВСЛЕПУЮ

Начало читайте в №№ 1, 2.

Нельзя укрыться в тишину
На перекрёстке шумных прений,
Ловя тревожную волну
Вневременных сопоставлений.
Попытка вырваться была
Неубедительно убога.
И закусила удила
Необоримая тревога.
Идя на ощупь, не свернуть —
Привязан курс к ориентирам,
А неопознанная жуть
Висит довеском к чёрным дырам.
Скиталец, равный муравью,
Подвержен сладкому искусу,
Но всё ж вселенную свою
Найдём по запаху и вкусу.

Понятно, что космический масштаб индивидуальности каждой личности заслуживает пристального внимания. Однако вразумительно поведать другим о её нестандартной сущности чрезвычайно сложно, особенно, если в распоряжении автора резко ограниченный зрительный ряд, а тем более, когда он и вовсе отсутствует. Надо заметить, что некоторые продвинутые тотальники осознают свою уязвимость в аналитическом восприятии окружающей среды и прикладной коммуникабельности,

поэтому они ценят каждый шанс поделиться с миром зрячих собственными творческими достижениями.

Такую уникальную возможность им предоставил Всероссийский конкурс литературных работ людей с нарушением зрения. Долгожданное награждение его победителей состоялось накануне Международного дня инвалидов, а именно второго декабря 2022 года. Торжественная церемония была организована в специальном зале здания Правительства РФ, богато украшенном государственной символикой.

Особо волнительную значимость событию предало участие в чествовании Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации. Являясь ещё и председателем Совета по вопросам попечительства в социальной сфере, Татьяна Голикова с удовольствием вручила маломобильным лауреатам дипломы и тактильные дисплеи в портативном исполнении, которые позволят им на практике пользоваться всеми преимуществами системы Брайля. Особенно важно, что тексты, отображаемые рельефно-точечным шрифтом, станут гораздо доступней для плодовитых инвалидов по зрению и слуху, составивших добрую половину соискателей.

Кстати, в деятельности судейской коллегии принимала участие и знаменитая слепоглая актриса, журналистка и художница Ирина Поволоцкая, состоящая в нескольких творческих союзах. Присланные работы умело рецензировала смоленская активистка Литературного

объединения «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России Екатерина Рогачёва. Как всегда, к нелёгким обязанностям вдумчивого вершителя судеб очень ответственно подошёл заслуженный работник культуры Карелии Леонид Авксентьев, который является моим давним другом и постоянно печатается в журнале «Наша жизнь». Причём он поневоле отказывается от гонораров, так как дорожит формальным статусом «неработающего пенсионера», со всеми вытекающими отсюда последствиями финансового характера.

Будучи одним из заместителей председателя жури конкурса, на его заседаниях я тоже высказывал критические замечания в адрес самодеятельных авторов и выдвигал конструктивные предложения, касающиеся дальнейшего развития чрезвычайно полезной инициативы. Некоторые из них были одобрены. Следует заметить, что заместитель Министра труда и социальной защиты Российской Федерации Алексей Вовченко и его высокопоставленная коллега Ольга Ярилова, занимающая аналогичную должность в Минкультуры РФ, так же, как и все остальные наши зрячие соратники по «высокому ареопагу», с трепетной бережностью относились к суждениям тотальников о достоинствах и недостатках присланных произведений. Несомненно, такое доброжелательное внимание со стороны влиятельных руководителей и общественных деятелей, выдающихся литераторов и артистов дорогого стоит. Эта совместная работа — большая честь для пишущих людей с ограни-

ченными возможностями здоровья, но с крепкой волей, неувядающим оптимизмом и безграничной любовью к жизни!

Вообще-то многие сочинители с дефектами зрения, оказавшиеся в финале престижного состязания, уже и раньше публиковались на страницах старейшего периодического издания ВОС, а теперь все они займут привилегированное положение в «гвардейской обойме редакционного арсенала». Надеюсь, что и Вера Тригуб из Санкт-Петербурга тоже станет регулярно у нас печататься, а пока приведу здесь отрывок из её трогательной конкурсной работы, который больше похож на самостоятельный рассказ. Уверен, что гурманов словесности не разочарует изящное «Зазеркалье»:

«В глубоких вечерних сумерках, таких прохладных и вязких, что казалось, будто время остановилось и застыло над миром в безмолвном созерцании, притихший сад слушал едва уловимый шёпот ветра в листве и думал о вечности, сплетённой из миллионов мгновений. В каждом из этих мгновений был свой смысл, своя красота, свой аромат и своё маленькое событие, незаметное для человеческого взгляда: становился выше и крепче молодой стебелёк, поднимался бутон цветка, наливалась соком ягода, застывала на трепещущей ладони листа алмазная росинка. Маленькие события совершались и тогда, когда вечер казался застывшим, и для всего на свете был свой черёд, своё место в этом мире.

Сад точно знал, что сейчас тишину нарушит стрёкот цикады, а потом вдали, на соседней улице, залает цепная собака, мечтающая сорваться с привязи и бежать прямо в ночь. Было известно саду и то, что через несколько мгновений в доме, где живут люди, погаснет свет и до утра не зажжётся. Поднималась из-за поля бледнолицая строгая красавица-луна, возвышаясь над деревьями и рассеивая тусклым светом сгустившиеся сумерки отлетающего вечера. Но сад не знал о том, что сегодня ход привычных маленьких событий будет нарушен одним необычайным происшествием, о котором до самого утра будут перешёптываться вишни и сливы, груши и яблони.

В сад несмелой походкой, медленно и с какой-то отчаянной решимостью вошла девочка лет пяти. Свет в окнах дома ещё не был погашен, но шторы уже задёрнуты — хозяева готовились ко сну. Никто, кроме старых деревьев и разросшегося кустарника, не видел малютку, лишь высокая трава в холодных слезинках росы понимала, что девочка заблудилась и не может отыскать дорогу домой.

Если бы в том саду очутился человек, он бы помог девочке найти нужную тропинку, проводил бы бедную потеряшку до дома. Но сад был безлюден и тих, только в кронах деревьев что-то иногда вздыхало, шепталось, шумело, пугая заблудившегося ребёнка.

Девочка шла по траве очень медленно, ощупывая почву под ногами и не узнавая местности. Иногда она

наступала на что-то твёрдое — это был корень; иногда её маленькая ручка, ищущая ориентир в тёмном пространстве, касалась огненного листа крапивы и поспешно отдёргивалась; а иногда коварные ветки хватали девочку за платье, не выпуская из плена призрачной ночи. А девочка всё шла и шла вперёд, не подозревая, что ходит кругами. Старые мудрецы, могучие деревья, покачивали кронами, будто седыми головами: они-то знали, что девочка не видит дороги, не видит лунного сияния, не видит красоты вокруг. Эти старожилы-великаны знали, где находится дом девчушки, часто видели её в саду по соседству, за железной сеткой забора. Девочка часто играла в том саду, пела, говорила с цветами и упавшими яблоками, собирала спелые ягоды, укрывалась в прохладной тени от летнего зноя. А сегодня она впервые отыскала в сетке забора маленькую неприметную калитку, соединяющую сад с соседским, и вошла в неё, как в зазеркалье, но очутилась не в сказочной стране, а в пугающей неизвестности...

Если бы её позвали, она бы сразу поняла, в какую сторону повернуть, чтобы отыскать свой сад. Но никто не окликнул её, и даже лучший друг, пёс Рыжик, которого она отличила бы по голосу от всех других собак, сегодня молчал. Отгоняя подступающий страх, девочка продолжала искать дорогу из своего тёмного зазеркалья. Инстинктивно она понимала, что если остановишься и дашь липкому безмолвному страху сковать себя по рукам и ногам, то уже никогда не выберешься отсюда,

поэтому нужно идти вперёд, осматривать ощупью всё вокруг — авось найдётся подсказка, что-нибудь знакомое поможет сориентироваться.

Это был первый урок мужества, который преподаст ей родная земля — идти вперёд, не поддаваясь страху и отчаянию; действовать, чтобы найти выход. Наконец девочка добралась до высокого деревянного забора, отделяющего сад от улицы. В первую минуту малышка испытала огромную радость — вот и улица, дорога к дому почти найдена. Но минутой позже отчаяние снова нахлынуло на неё: забор был высокий, поверх него можно было только выглянуть на улицу, а перелезть на другую сторону не представлялось возможным.

Отец должен возвращаться домой из центра села. Но по какой дороге он пойдёт? Можно идти тремя путями. Один путь — по той самой улице, а значит, он непременно прошёл бы мимо высокого забора и заметил бы потерявшегося ребёнка. Другой лежал между огородами и выходил к дому через ту самую неприметную калитку, которая пригласила нашу героиню в неизвестность соседского сада. Третий вёл к дому через поля.

Выбери отец одну из двух коротких дорог, он не нашёл бы дочь. Но он, по счастливому стечению обстоятельств, возвращался домой длинной дорогой и, проходя мимо соседского забора, услышал слабое «ау». Могучие руки подхватили девочку и перенесли из чужого сада на знакомую улицу. Малышка прижималась к тёплой отцовской груди: понимала, что пришёл Он —

большой человек, всесильный, подобно доброму волшебнику из сказки, который окружит заботой и лаской, без слов и объяснений всё поймёт своим большим любящим сердцем.

И вот из тёмного зазеркалья девочка перенеслась в тепло и свет дома, где всё знакомо и понятно, на столе ждёт душистый горячий чай, ей радуются папа и старенькая бабушка. Потом пришёл спокойный сон, навеянный удивительными бабушкиными историями и мерным тиканьем больших старинных часов в прихожей. А наутро гигантские деревья из соседского сада снова увидели весёлого ребёнка, вышедшего с первыми лучами летнего солнца в свой мир неслышимых диалогов и будущих вдохновений, вбирающего в душу свет зари, запахи и звуки, прикосновения ветерка и тепло ясного дня...»

Разумеется, в процентном отношении на первом этапе конкурса преобладали заявки самобытных беллетристов из столичного региона. Однако в элитную десятку счастливых с трудом пробилась лишь одна Людмила Лункина, да и та замкнула турнирную таблицу, набрав 475 баллов. Мне довелось дважды внимательно прочитать её остросюжетную повесть «Место, где никогда не бывает зимы», некоторые эпизоды которой надолго запали в душу, хотя кое-где «почистить» текст совсем не помешало бы.

Это многоплановое произведение вполне соответствовало теме «Моя малая Родина» и согласно Положе-

нию было квалифицировано в качестве эпоса. Это и понятно, ведь москвичка лихо размахнулась на предельно допустимые 99 страниц шестнадцатым кеглем. Текст был разделён на пару десятков увлекательных фрагментов, частенько довольно автономных. Вашему вниманию предлагается третий из них, при публикации слегка сокращённый:

«Для городских очевидно, что хлеб растёт буханками либо из земли, как свёкла, либо на деревьях, как яблоки. Домашние животные — кошки, собаки. А все остальные коровы и овцы не дикие, но уличные. Местом же, где никогда не бывает зимы, является деревня, потому что там живут всегда летом.

Именно так и заявил маленький Петя, когда его принимали в школу. Ни о каких других местах без зимы он и слушать не хотел, а если хотел, то не верил. Все картинки с пальмами и обезьянами не убеждали. Казалось, пальмы облетят, а обезьяны шерстяные и не боятся мороза.

Впрочем, городское Петино житьё поначалу отличалось от деревенского только отсутствием домашнего скота и птицы, наличием общественного транспорта и асфальтовых дорог. Его семья жила в маленьком бревенчатом домике с русской печью, лавками и полоком. Правда, вместо деревенских сеней была терраса и ещё мягкий диван с креслами, а также зима каждый год.

Только много бед спустя, Петя понял, что и в городе у него не было «зимы». Но это потом, а сначала про то, как не стало её в деревне.

Началось после обеда. Баба Домна с тремя малышами, старшим из которых был Петя, проснулась от невразумительного треска над головой. Потолок в «красном» углу почернел, и чёрность языками расползлась, поглощая белое. Звучала, точно несостоявшийся кашель, и плевала подкрашенными кусочками извёстки.

Баба Домна третий раз попадала в пожар и сразу оценила обстановку. Горела терраса, горящая дранка сыпалась по скатам крыши, поэтому для отступления осталось одно окно, да и то наглухо забито.

Петя проснулся, а меньшие спали, как ни в чём не бывало.

— Внучек, давай в печи прятаться? — предложила бабушка.

— Зачем? — изумился Петя.

— Отец придёт и поищет, и поймёт, какой ты разведчик.

Глаза бабы Домны тихо смеялись, а Петя, спросонок не очень понимавший, зачем нужно прятаться в печь, послушно полез, куда велели. Ему подали сонных малышей и объяснили, что пока отец не окликнет и не откроет, не вылезать: «А то плохой ты разведчик...»

Баба Домна заставила загнётку чугунами с обедом, ведрами с водой, сняла и привязала себе на спину ико-

ны и начала вышибать окно. Снаружи ей уже помогали. Когда вытащили и хотели лезть за ребяташками, рухнула крыша.

Петя сидел и слушал странные звуки, проникающие извне: «хрооо-коок-ко-роухуожжжж». Эти же слова, произносимые ветром и камнями, в горах Афгана не раз слышал он. Там это называлось тишиной.

Пете сначала не было страшно, но потом маленькая Лиза проснулась и обожглась о стену. Она начала плакать, а следом за ней и Коля. Петя вспомнил про разведчика, и показалось обидно, что бабушка обманула его и закрыла в печь. Он тоже начал было громко плакать, но, услышав свой голос, испугался и перестал, потому что понял: здесь он самый старший.

Петя давно знал, что старше всех и сильнее всех, поэтому начал уговаривать младших не реветь, а поиграть во что-нибудь. В тесной печке с раскалёнными стенами играть было невозможно. Можно было только прижиматься друг к другу, чтобы не обжечься. Малыши тоже перестали кричать. Напугались все, но ничего худшего не случилось, а потому они прижались друг к другу и сидели так, пока не уснули...

Многие слышали, как кричали дети в горящей избе, и не могли взять в толк, почему они так долго кричат. Домна Петровна не объяснила ничего. Она даже и не встала ногами на землю, а мешком осела вниз, когда её вытащили.

Игнат Фомич стоял, оглушённый, чувствовал безмолвный стон толпы за спиной, глядел на тающие в чёрном дыму водяные струи...

Наконец среди прибитого водой пепелища выявилась целая, не покосившаяся печь. Стало можно подойти к ней, но горячие кирпичи не позволяли заглянуть внутрь. Пожарные почему-то не уезжали, люди почему-то не расходились.

Кто бы мог понять, что за сила удерживает людей часами стоять на пожаре? Зачем собирается толпа, сколь далеко способно простереться любопытство человеческое? Один Игнат Фомич понимал, зачем нужны люди. Они нужны были ему: чтоб стояли и молчали, чтоб держали на своих плечах по капельке тяжесть, придавившую Домну Петровну, чтоб не дали ей опуститься и раздавить его, Игната.

Приехала милиция. Оцепили верёвочкой погорелые участки. Начали опрашивать очевидцев. Все в один голос говорили: Гусёкин дом сам собой загорелся, а владелец его пришёл к пожарищу последним, совершенно пьян и (как сам он выразился) «не ночевавши дома». Набежавшие люди успели порубить заборы, не дали пожару расползтись дальше.

Только к вечеру появилась возможность освободить детей из печи. Игнат Фомич был рад уж тому, что сноха его лежала в роддоме, а сын был в поездке, и вернулись они, когда стало ясно, что дети живы...»

Памятный эпизод пронизан искренней болью и поражает своей завершенностью, хотя эта миниатюра лишь небольшая часть сравнительно крупного произведения. Опытная бытописательница смелыми штрихами рисует выразительное полотно «трагедии местного значения», а таких же пронзительных страниц в сочинении немало. Естественно, что эпиграфом к отрывочной хронике Петиных злоключений послужило культовое четверостишие Сергея Есенина:

«Если кликнет рать святая:

«Кинь ты Русь, живи в раю!»

Я скажу: «Не надо рая,

Дайте родину мою...»

Поэт Божьей милостью чувствовал неразрывную общность с милой Отчизной и превосходно умел передать это единение в непревзойдённой лирике. Пожалуй, рифмованные строчки трепетного гения Серебряного века как нельзя лучше отражают коренную сущность выстраданных произведений подавляющего большинства столь разноликих конкурсанток. Вообще-то незрячие «мастерицы словесных кружев» являются записными горожанками, но, тем не менее, в жанровом отношении могут считаться типичными «деревенщицами».

Вот и новелла Любви Блоховцевой из Чапаевска погружает нас в горьковато-сладкую атмосферу постепенно увядающей глубинки. Символичное и душещипательное «Житие старого дома» буквально дышит провинциальной патриархальностью помноженной на мис-

тическую художественность незатейливой фабулы. Общее второе место и 507 итоговых баллов говорят сами за себя. Недаром секретарь регионального отделения Российского союза писателей по Самарской области Надежда Приказчикова в своей рецензии не поспешила на восторженные оценки:

«Великолепная работа с использованием славянского языка и оборотов в рамках повествования. Текст читается легко. Новелла интересна. Здесь и персонаж, и интрига, и качество, но прежде всего — сюжет. Во главе которого — дом и только потом — человек, построивший его. На протяжении многих десятилетий он хранит своего хозяина от смерти, но не позволяет ему начать новую жизнь. Слабая сторона: частое повторение слов, что обосновано самим стилем изложения. Произведение цепляет и держит до самого конца. Оно стоит того, чтобы уделить ему время».

Хочу подчеркнуть, что Любовь Блоховцева и Людмила Лункина мне хорошо знакомы в качестве сильных поэтесс, обладающих узнаваемым «стихотворным почерком». Самобытная специфика нестандартных образов проявилась и в их художественной прозе, сохранившей философичность и лиричную трепетность изложения.

Естественно, русский менталитет тяготеет к наследственной историчности деяний предков и православной общности. При всех различиях мы, по сути, очень похожи, ведь практически каждый хранит в памяти свой пер-

сональный «отчий дом», даже если он уже давно исчез в объективной реальности. Видения из прошлого зачастую назойливо преследуют нас, поэтому нестандартное творчество незрячих писательниц невольно вызывает искренний отклик!

Кто любит тень, кто — солнцепёк,
Лелея личные доуки,
Да постояльцам невдомёк,
Что домом взяты на поруки.
Пытаясь возраст обмануть
И старясь вместе понемногу...
Желаем будничную муть
Свалить к родимому порогу...
Не забывается тепло
Друзей, потерянных до срока,
Хоть лет немало утекло,
Без них бывает одиноко!
Всё ж под защитой мощных стен
Опять дерзаем спозаранку,
Спеша в преддверии перемен
Поднять повыше планов планку!

Владимир Бухтияров